

Но вотъ и Пасха.

Загляните въ Свѣтлую заутреню въ какую-нибудь изъ приходскихъ церквей: полиѣйшая невоспитанность, давка, крики... чуть ли не караулъ кричатъ. Загляните въ домовую церковь. Тутъ воспитанность: разряженные гости (право, всѣ эти расфранченныя дамы и кавалеры напоминаютъ собою гостей, а не молящихся въ церкви), — всѣ гости, дождавшись словъ «другъ друга обьемемъ», поцѣловавшись троекратно и вздохнувъ съ облегченіемъ, отправляются въ залы и въ коридоры, и тутъ начинаются шутки, и комплименты, и анекдоты...

Страстная кончилась суетою — Пасха суетою начинается.

Съ заутрени «рабы желудка» идутъ домой уплетать то, что закупали себѣ пѣлую недѣлю. Наѣдятся скоромнаго и увѣряютъ, что разговѣлись, хотя всю Страстную недѣлю и безъ того ѣли скоромное. Потомъ ложатся спать, чтобы утромъ встать опять же для суеты.

Утромъ поданы нанятые по часамъ извозчики. И уже съ 10-ти часовъ утра до 5-ти пополудни носятъ по городу расфранченныя мужчины, въ полной парадной формѣ, въ цилиндрахъ и бѣлыхъ галстукахъ, — ѣдутъ, ѣдутъ, ѣдутъ, чтобы, приѣхавъ, перекинуться съ хозяйкой двумя-тремя фразами о томъ, гдѣ были у заутрени, о томъ, что и сегодня въ газетахъ, несмотря на Свѣтлое Воскресенье, опять браются (а самъ газетъ еще не видѣлъ), и чтобы въ каждомъ домѣ, покосясь съ ловко скрытымъ сожалѣніемъ на графинь съ водкой, выпить рюмку мадеры и отвѣдать пасхи «собственнаго» изготовленія отъ Филиппова.

И это — праздникъ? И это — отдыхъ? И это — ликование сердечное, торжество душевное?

Вспоминается мнѣ Пасха въ другомъ мѣстѣ, въ родной моей деревнѣ, въ отдаленные дни улетѣвшаго моего дѣтства.